

Глава 3. Он предал меня, так при чем тут я?

Би Тао, не в силах перечить господину, поспешила отдать распоряжения. Воздух еще не успел прогреться, а солнце не достигло зенита, когда их экипаж уже катил в сторону храма Юйцин. Служанка втайне недоумевала: что такого особенного господин надеется найти в этой обители? Госпожа навещала её первого и пятнадцатого числа каждого месяца; они, старшие служанки, не раз сопровождали её в этих поездках. К тому же весна едва вступила в свои права, а храм, притулившийся к самому подножию горы, всегда встречал гостей сырой прохладой. В это время года здесь почти не бывало паломников — кто же выбирает такую пору для прогулок?

Однако Жун Цунцзинь пребывал в на редкость приподнятом расположении духа. Спустившись с подножки кареты у самых ворот, он, облаченный в светлые одежды, повязал на лицо тонкую вуаль, скрывающую его черты. Миновав величественную стелу-хуабяо, украшенную резьбой в виде плывущих облаков и лепестков лотоса, он в сопровождении двух верных служанок двинулся вглубь храмового комплекса.

Даосская обитель Юйцин пользовалась в Ванцзине небывалой славой. О её чудодейственной силе ходили легенды, и поток просителей — от сановитых вельмож до простых горожан — не иссякал никогда. В канун Нового года храм и вовсе закрывал врата для простых смертных, совершая пышные обряды лишь для знати, жаждущей чинов, славы и богатства.

Величественные залы храма поражали изяществом архитектуры. Над главным залом Трёх Чистых колыхался сизый туман сандалового ладана, придавая святилищу ореол мистической торжественности. Грозные лики божеств взирали на паломников с высоты своих постаментов, а фрески на стенах, изображавшие парящих небожителей, казались живыми — казалось, шелк их одежд вот-вот затрепещет под порывом ветра. Замерев на мгновение, Жун Цунцзинь зажег три благовонные палочки и, почтительно склонившись, негромко произнес вместе с другими прихожанами:

— Молю о мире и благоденствии для близких.

— О чем же вы просили, молодой господин? — с любопытством спросила Фу Тун, когда они закончили обряд.

— О покое в доме и о том, чтобы карьера брата была успешной, — небрежно отозвался Жун Цунцзинь.

— Но ведь мы так редко здесь бываем... Неужели вы не попросили ничего для себя?

Знатные дома Ванцзина одинаково почитали и Дао, и Будду, а иные умудрялись верить во всё сразу. Но Жун Цунцзинь всегда был далек от этого. Он полагал, что жизнь человека, его успехи и падения предопределены судьбой, которую не изменить мольбами. Он поднял взгляд на огромные золоченые изваяния — такие близкие и одновременно бесконечно далекие.

Вокруг сновали верующие, а Цунцзинь стоял посреди храма, в недоумении нахмутив брови. Ему действительно нечего было просить. Он всегда относился к жизни и смерти с поразительным равнодушием. Когда родители велели ему готовиться к браку, он подчинился; храня верность Гу Чжао, он безукоризненно исполнял долг принцессы-консорты, не ведая ропота. Даже когда его сердце затрепетало от любви, последовавшая разлука вырвала лишь тихий вздох о скоротечности земных уз. Чувства и желания всегда казались в нем чем-то призрачным, едва различимым.

Но здесь, среди клубов благовоний и искреннего рвения толпы, его охватило странное предчувствие. Он чего-то хотел... Но чего? Жун Цунцзинь мучительно вглядывался в лики богов, пытаясь ухватить за хвост ускользающую мысль, нащупать этот робкий луч света в тумане своего сознания.

В этот момент дряхлая старушка, только что закончившая поклоны, попыталась подняться, но ноги её подвели. Она пошатнулась и начала валиться назад. Пол в зале Трёх Чистых был выложен из твердого, векового камня — удар затылком о такие плиты мог стать роковым. Жун Цунцзинь, заметив это краем глаза, инстинктивно подался вперед, протягивая руку. Фу Тун вскрикнула за его спиной, тоже бросаясь на помощь.

Однако они опоздали. Седой старик в простой одежде, словно предугадавший падение, уже стоял прямо за спиной женщины. Она рухнула прямо на него. Старик был слаб и хрупк на вид, но вложил в этот упор все свои скудные силы. Оба они несколько раз качнулись, но устояли.

— Ах! — Старушка, испуганно прижав руку к груди, тут же принялась ощупывать своего спутника. — Не ушибся? Не придавила я тебя?

— И не говори! Вечно ты назад валишься, неужто нельзя повнимательней быть? — Борода старика смешно топорщилась; он походил на мудрого даоса, но голос его звучал ворчливо и даже желчно. — Всё недовольство на лице написано!

— Так ведь у меня ты есть, — ничуть не обиделась старуха, продолжая сиять беззубой улыбкой.

Старик лишь хмыкнул, но руку её не выпустил, бережно поддерживая супругу, пока они медленно ковыляли к выходу.

В это мгновение Жун Цунцзиня прошила вспышка озарения. Он наконец поймал ту призрачную искру, что блуждала в потемках его души. Это было похоже на первый весенний росток, пробивающийся сквозь мерзлую землю, на крохотный огонек, способный растопить вековые льды и наполнить мир ароматом цветов.

— Молю лишь о том, чтобы шестой принц был в безопасности, — прошептал Жун Цунцзинь.

Он отступил на шаг, опустился на колени на молитвенный коврик и совершил три глубоких земных поклона с такой искренностью, какой не знал прежде. То, что ему была дарована

вторая жизнь, само по себе служило доказательством существования сил, не подвластных разуму.

Возможно, боги всё же существуют.

И в этот миг он хотел в это верить. Если небо слышит, пусть оно защитит Гу Чжао. Неважно, сведет ли их судьба в этот раз, неважно, что тот — недостижимый принц, а он — лишь тень прошлого. Пусть он будет в безопасности.

Би Тао приняла палочки, водрузила их в курильницу и поднесла господину бамбуковый стаканчик для гадания.

Только Жун Цунцзинь протянул руку, как одна из палочек сама собой выскользнула и с сухим стуком упала на плиты. Он наклонился, чтобы поднять её, и слова предсказания мгновенно врезались в память:

«Сквозь ветер и дождь на пути в отчий край,

Подобна ласточке жизнь твоя, знай.

Комочки земли собираешь в гнездо,

Но рухнет оно — и вернется во дно».

— Что там, господин? — не утерпела Фу Тун.

— Ничего особенного. — Жун Цунцзинь задумчиво вертел в руках бамбуковую щепу.

Ласточка трудится день напролет, но одна буря — и все труды прахом. И снова нужно начинать сначала. Бесконечный, изнурительный круг.

Гадание сулило напрасные хлопоты. Тщетные усилия, которые не принесут плода.

«Обо мне ли это, или о шестом принце? А если о нем...» — Цунцзинь горько усмехнулся. Он прекрасно понимал, что попытка возвести наследного принца на трон и вмешательство в дворцовые интриги — путь тернистый и почти безнадежный. Но ради Гу Чжао он готов был взяться даже за заведомо безнадежное дело. И в этом смысле гадание было пугающе точным.

Би Тао, заметив иероглиф «Низшее» в конце текста, побледнела.

— Господин, это я плохо держала стаканчик! Это всё случайность, оно не в счет! Пойдемте

скорее, попросим даоса совершить обряд очищения.

Фу Тун притихла. Поняв из слов подруги, что предсказание дурное, она расстроилась. Они проделали такой путь из поместья маркиза, чтобы услышать это? Служанка обиженно опустила на пятки прямо на коврик, погрузившись в уныние.

— Верхнее! Счастливое предсказание! — внезапно раздался неподалеку звонкий женский голос. — О Трое Чистых! Если моё желание сбудется, я обязательно вернусь, чтобы отблагодарить вас и пожертвовать на ремонт обители!

Фу Тун с завистью обернулась. Говорила молодая женщина, причесанная по моде замужних дам — в высоком узле «падающая лошадь». Она была одета в богатые шелка, на запястье позвякивали два браслета из чистейшего нефрита. Кожа белая, взгляд томный, а под складками дорогого платья угадывался едва заметно округлившийся живот.

«Месяца три уже, не меньше», — машинально отметила про себя Фу Тун. Женщина кокетливо повернулась к сопровождавшему её статному, изысканному молодому человеку:

— Супруг...

Улыбка Фу Тун медленно сползла с лица. Взгляд её пополз вверх, к лицу «супруга».

— Какая прекрасная пара... Какая... ГНУСНАЯ ПАРОЧКА!

Фу Тун застыла, не веря своим глазам. Её миндалевидные глаза округлились, губы задрожали от ярости. Она выглядела так, словно была готова вцепиться этому человеку в глотку.

— Фу Тун. — Жун Цунцзинь, закончивший обряд, попытался подняться, но никто не поспешил подставить ему плечо. Его рука так и осталась висеть в воздухе. — Фу Тун, — позвал он снова.

— Да что с тобой такое? — Би Тао в сердцах хлопнула подругу по плечу.

Но та замерла как каменное изваяние, лишь зубы её скрежетали так громко, что звук был слышен в тишине храма.

Шум привлек внимание молодого господина. Он мельком взглянул в их сторону; Фу Тун показалась ему смутно знакомой, но он не придал этому значения. Поддерживая свою спутницу под локоть, он ласково произнес:

— Ты слишком долго стояла на коленях. Тебе нужно беречь себя.

— Перед уходом старая госпожа наказывала мне, что в храме Трёх Чистых молитвы о детях — самые верные. Просила искренне молить небо... Если я смогу подарить господину сына, наследника его рода, это будет лучшей наградой за вашу доброту ко мне, — голос женщины был нежным и тягучим, а глаза, полные любви, могли бы растопить даже гранит.

Молодой человек был явно тронут. Он обнял её за плечи и прошептал:

— Ин-нян, какие дети, какие наследники... Никто не важен мне так, как ты. Ради тебя я готов на всё, и никто не сможет нас разлучить.

Ин-нян мило шмыгнула покрасневшим носом. В её глазах заблестели слезы:

— Господин, скоро ваша супруга войдет в дом. Я лишь молю, чтобы вы жили с ней в мире и согласии до глубокой старости. Мне не нужно титулов, лишь бы крохотный уголок, чтобы издали видеть вас... Тогда я буду счастлива. Я приму любое наказание. — Она прижала ладонь к животу и с тревогой посмотрела на него: — Но примет ли он меня?

— Примет, — отрезал молодой человек. В его голосе не осталось и следа нежности, когда он заговорил о невесте: — Что может понимать грубый вояка, выросший среди мечей и коней? В нашем доме, среди ученых людей, никто не станет его притеснять. Матушка обучит его правилам, и со временем он поймет, что такое истинное великодушие и благородство.

Тут Фу Тун не выдержала. Она была лишь служанкой, но выросла в доме маркиза, и её жизнь была куда роскошнее, чем у дочерей иных богачей. Жун Цунцзинь никогда не ограничивал её, ценя её искренний нрав. Видя, как эта «сладкая парочка» без тени стыда поливает грязью её господина, она вскочила, словно ужаленная:

— Ты что несешь, негодяй?! А я-то думала, ты приличный человек! «Грубый вояка»? Книжек начитался, а совесть в навозную кучу выбросил? Где твоя стыдливость, где честь?! Тьфу на тебя!

— Откуда взялась эта сумасшедшая? — Молодой господин нахмурился, не желая ронять достоинство в споре с прислугой. Его слуги тут же преградили дорогу яростной девице.

Один из них попытался оттолкнуть Фу Тун:

— Ты белены объелась? Глаза разуй, перед тобой Юй Линси, третий молодой господин из дома Старейшины Юя!

Слуги маркиза Динъюань, до этого стоявшие поодаль, поняли, что назревает драка, и стеной двинулись вперед. Фу Тун, пылая гневом, прорвалась сквозь заслон. Её тонкий палец с острым ноготком чуть не впился в лицо Линси:

— Это ТЫ глаза разуй, Юй Линси! Свою госпожу уже не узнаешь?!

Её пронзительный крик едва не сорвал крышу с храма. Юй Линси опешил. Он испугался, что оскорбил какую-то знатную особу, и принялся пристально разглядывать Фу Тун, но так и не вспомнил её лица.

Однако по платью было видно, что она — всего лишь служанка. Заметив, что вокруг уже собираются любопытные, Юй Линси решил сменить тон. Он сложил руки в вежливом жесте:

— Девушка, наш дом всегда славился справедливостью. Если у вас есть обида — говорите прямо. Но давайте выйдем из храма, не стоит тревожить покой богов.

Фу Тун задыхалась от ярости. Она бросилась к стоявшему в тени Жун Цунцзиню. Когда захлестывает обида, слова часто путаются, но сейчас её гнев придал ей красноречия. Она заговорила быстро, четко, словно разбитая ваза, из которой хлынула вода:

— Господин! Несколько дней назад я вместе с матушкой Цинь возила в поместье Юй праздничные дары — шелка да вышивку. И в «Зале Сосны и Журавля» у старой госпожи Юй я своими глазами видела этого третьего молодого господина! Я лично кланялась ему! Ошибки быть не может!

— Законная супруга еще порога не переступила, а у него уже какая-то Ин-нян под боком! — Голос Фу Тун дрожал от негодования. — И называет его мужем! И беременна! — Она вспыхнула до корней волос. — До свадьбы с нашим домом считанные дни, а они творят такое непотребство! Если бы взглядом можно было убить, от Юй Линси остались бы одни уголья.

Жун Цунцзинь покачнулся, словно от сильного удара. Он выглядел оглушенным, потерянным. Посмотрел на них полными неверия глазами и лишь безмолвно покачал головой.

Би Тао и Фу Тун тут же подхватили его под руки.

В храме воцарилась зловещая тишина, сменившаяся гулом голосов. Вышитые изделия в Ванцзине редко дарили просто так — обычно их посылали в ответ на помолвочные дары, как знак того, что день свадьбы близок и семьи уже почти породнились. До официального торжества оставался лишь шаг.

И если этот молодой человек действительно внук старейшины Юя, то кто же тогда этот изящный юноша под вуалью?..

Присутствующие, люди искушенные в городских сплетнях, мгновенно всё поняли. Обманутая невеста столкнулась лицом к лицу с женихом и его беременной любовницей. Глаза паломников загорелись нездоровым блеском, старики осуждающе качали головами.

Шуаньэры и так нечасто радовали мужей потомством, но если у семьи Юй были такие опасения, зачем было соглашаться на брак? Использовать влияние семьи невесты и при этом завести наследника на стороне еще до свадьбы... Это было за гранью приличий.

Если бы Жун Цунцзинь начал кричать или сыпать обвинениями, это выглядело бы привычно. Но он молчал. Его тихая скорбь и нежелание устраивать скандал ради сохранения лица семьи Юй мгновенно склонили чашу весов на его сторону. В глазах толпы он превратился в кроткого, благородного страдальца.

Слуги обеих семей замерли в нерешительности. Враждовать? Мириться? На их лицах читалось такое густое смущение, что они предпочли просто разойтись в разные стороны.

Юй Линси наконец устоял на Жун Цунцзиня.

В доме маркиза порядки были суровыми: неженатым юношам не позволялось открыто посещать мужские собрания. На императорских пирах Жун Цунцзинь бывал, но сидел далеко, за спиной отца, и Линси видел лишь его призрачный силуэт.

Они были помолвлены почти год, но он так и не узнал ничего о характере будущего супруга, кроме того, что тот «тихий и покладистый». Расспросы младшего брата-шуаньэра ничего не дали — тот был слишком труслив, чтобы связать два слова, и лишь лепетал что-то о «незаурядной внешности». Линси думал, что это просто вежливость.

Но сегодня, даже через тонкую вуаль, он разглядел пленительный блеск глаз и точеную фигуру. Когда взгляд Жун Цунцзиня скользнул по нему, у Юй Линси перехватило дыхание, а сердце пустилось вскачь. Он непроизвольно сделал шаг вперед.

— Ой! — Ин-нян, мгновенно почувствовав угрозу, слабо вскрикнула и схватилась за живот, изображая нестерпимую боль.

— Ин-нян, что с тобой? — Юй Линси замер. Его тело рванулось к беременной спутнице, но мысли всё еще витали вокруг Жун Цунцзиня.

— Ничего... просто кольнуло... уже легче, — прошептала она.

Линси почувствовал укол жалости. В отличие от знатной и сильной невесты, у Ин-нян не было никого, кроме него. Эта её незащитность всегда льстила его самолюбию, наполняя сердце гордостью.

Пока он отвлекся, Жун Цунцзинь уже вышел из храма. Линси, спохватившись, бросился вдогонку.

— Господин Жун, подождите! — окликнул он его у стелы.

— Господин Юй, — Жун Цунцзинь обернулся, его голос был холоден, как утренний иней.

Линси замер. Даже скрытый вуалью, Цунцзинь казался существом иного порядка. Юй Линси, мастер пустых речей, вдруг не смог выдать ни слова.

Раньше он презирал этот брак. Его заставили, на него давили дед и отец, твердя, что союз с домом маркиза откроет ему все двери. Его убеждали, что можно просто «дать ему тарелку риса» и жить своей жизнью, окружив себя милыми наложницами. Линси верил друзьям, которые смеялись, что он берет в жены «сына мясника». Они даже шутили, что придут к нему за парой фунтов отборной говядины.

Он пил от горя, надеясь, что свадьба расстроится. Он и представить не мог, что его «невеста» столь прекрасна.

— Ин-нян... Это была ошибка. В тот день я перебрал вина и не подумал о последствиях, — Юй Линси заговорил самым мягким, самым проникновенным голосом, на какой был способен. — Что сделано, то сделано. Я не прошу прощения сейчас, но обещаю: после свадьбы я буду заботиться о тебе.

— Я никогда тебя не предаю.

— Что вы, господин Юй. Брак — дело родителей. В моем доме еще много дел, мне пора, — Жун Цунцзинь даже не взглянул на него. — Идите лучше к... Ин-нян. Она ждет вас.

Услышав этот голос, подобный звону нефрита, Юй Линси окончательно лишился рассудка. Он стоял и смотрел вслед уходящему юноше, не зная, что предпринять.

Его мать специально нашла Ин-нян, чтобы обеспечить наследника до того, как бесплодный (по её мнению) шуаньэр войдет в дом. Они специально выбрали шестнадцатое число, зная, что в этот день семья маркиза в храм не ходит. Кто же знал, что затворник Жун Цунцзинь решит нарушить привычки?

Ин-нян рядом с ним казалась теперь бледной светлячком рядом с луной. В душе Линси впервые зашевелилось горькое раскаяние. Зачем было искать утешения на стороне, когда дома ждало такое сокровище?

— Господин... — Ин-нян, почуяв неладное, выбежала из храма. Лицо её было белее снега, она едва держалась на ногах.

Не успел Юй Линси обернуться, как она беззвучно осела на камни.

— Ин-нян! — Он бросился к ней, подхватив на руки.

— Скорее, несите её в карету! — закричали слуги. Но их экипаж застрял где-то внизу у павильона, и ждать его пришлось бы долго.

— Моя карета у ворот. Возьмите её, — спокойно произнес Жун Цунцзинь.

Линси, обеспокоенный состоянием ребенка, выпалил: — А как же ты?

— Пошлите за другой из нашего дома. Ребенок важнее, — Жун Цунцзинь улыбнулся — мягко, вежливо, скрывая за этой маской глубокое отвращение.

В прошлой жизни Линси тоже привозил Ин-нян сюда в этот день. Тогда Жун их не встретил, но их увидела жена городского префекта, подруга его матери. Мать Жун Цунцзиня тогда пыталась решить дело миром, но семья Юй повела себя нагло, выставив их же виноватыми. Сегодня же всё случилось на глазах у толпы. Вся эта сцена — от начала до конца — была разыграна Жун Цунцзинем ради спасения чести своего дома. Пусть Линси и Ин-нян празднуют свою любовь; он же останется в памяти города безупречной жертвой. Пусть все увидят, кто прав, а кто виноват.

Игра была сыграна до конца. Жун Цунцзинь стоял у ворот, провожая взглядом свою карету, увозившую бесчестье семьи Юй.

— Господин, как вы могли отдать им карету?! — Фу Тун в новом экипаже всё еще кипела от злости. Она была готова плюнуть Юй Линси в лицо. — Совершить такое непотребство, а потом еще и карету нашу занять? Где справедливость?!

— То, что мы сегодня их встретили — большая удача, — Би Тао тяжело вздохнула. — Лучше узнать об этом сейчас, чем после того, как в дом принесут свадебные дары.

Жун Цунцзинь одобрительно взглянул на Би Тао. Она была умна: сразу увидела выгоду в случившемся несчастье.

— Теперь идите к госпоже. Пусть поместье Юй даст нам объяснения, — продолжала Би Тао, но тут же покачала головой: — Впрочем, госпожа, верно, уже всё знает.

Сплетни в Ванцзине распространяются быстрее пожара. К тому времени, как они достигнут дома, о скандале будет трубить каждый переулок. Хорошо, что Фу Тун подняла шум — теперь семье Юй не отпереться. Девять десятых позора лягут на плечи Линси.

— Он предал меня, так при чем тут я? — холодно усмехнулся Жун Цунцзинь.

Би Тао молча кивнула. Законы приличий суровы, и только сорвав маску с Юй Линси прилюдно, они получили шанс выйти из этой воды сухими. Это была лучшая из возможных развязок.

Теперь оставалось ждать, что предпримут главы семей.

Однако поместье Юй хранил молчание несколько дней. А по Ванцзину поползли иные слухи: шептались, что Жун Цунцзинь — человек тяжелый и не способный к деторождению, что семьи договорились о наложнице заранее, а теперь дом маркиза вдруг пошел на попятную.

Кое-кто даже намекал, что маркиз силой навязал этот брак, а бедному Юй Линси пришлось искать утешения у любимой женщины от безысходности.

Лишь через десять дней, когда терпение семьи Жун лопнуло, госпожа маркиза сама отправилась к порогу поместья Юй.

<http://bllate.org/book/13698/1580930>